

ДРАМАТУРГ АЛЕКСАНДР КОПКОВ

Дорогие друзья!

Открывая рубрику «Мосты», мы предполагаем знакомить Вас с материалами, фактами, событиями, связанными с различными сторонами жизни известных, малоизвестных, а порой и напрочь забытых имен драматургов, артистов, режиссеров — людей самых разных профессий театрального мира, с их судьбами, их творческим наследием, разбросанным по бесчисленным архивным копилкам и коллекциям. Обращаясь к далекому и недавнему прошлому, мы наводим мосты, чтобы лучше понять и осмыслить наше настоящее, сохранить собранное по крупицам для более полного воссоздания нашего культурного наследия. В этом номере представляем Вам замечательного драматурга — Александра Копкова пьесой «Ату его!», рассказывающей о жизни в советский рубезжа 20-30 годов под фанфары шагающих пятилеток и планов лихих громадь с их лозунгами-призывами: рекорды — любой ценой! — когда партийцы-культуротники вставляли к штурвалу корабля, ведя его к грядущим победам. Пьеса о великом обмане и сегодня удивительно современна. Действующих лиц в ней — 16. Если она заинтересует Ваш театр, обращайтесь к «Доктору Чехову», он Вам поможет ее получить.

Редактор рубрики
Галина Матвеева

Копков Александр Андреевич в конце 30-х годов был знаменит. Недолго, правда. Теперь забыт в чистую. И напрасно. Он написал четыре смешных и страшных пьесы. Еще как-то вспоминают «Слона» (1932) и «Царя Потапа» (1938). Они были опубликованы, и именно «Потап» когда-то перед войной прославил Копкова. В Ленинграде, в том числе Борис Бабочкин в ВДТ, ставили «Царя...» по-бытовому сочно, напирая на обличение кулачества как класса. «Слон» прочитывался театрами в отепелное время как лубок, издевка над дураками-колхозниками. Ныне ни то, ни другое не имеет смысла. Иного же взгляда, не субъективно-социологического, но исторического, художественного, по всему видно, ждать долго. Впрочем, разве что чудо. Он родился в 1907 году в Ярославской деревне. С девятнадцати лет жил в Ленинграде. На фронт не взяли из-за болезни. Зимой 1942 года, из блокады, голодный и никому не нужный член Союза писателей Александр Копков ушел в родную деревню. Оказалось — ушел умирать.

Копков стал драматургом, когда к рубежу 20-30 годов с крестьянскими писателями было покончено. Алексея Ганина, Павла Васильева уже расстреляли. Николая Клюева, Петра Орешина бросили в концлагерь. Копкова будто похоронили заживо. И все-таки он был едва ли не последним могиканином из этой плеяды, наследником такого, а не иного клада. Внутренне его пьесы при всех различиях связаны с произведениями Пимена Карпова и Андрея Платонова.

Никогда не были ни поставлены, ни опубликованы две совершенно не известных копковских комедии: «Он еще жив» и «Ату его!» («Рекордный рейс»).

Доктор Чехов. 1992 — № 1 — с. 6

Александр КОПКОВ

АТУ ЕГО!

Комедия в 3 актах, 7 эпизодах

Фрагмент из первого акта

Действующие лица

ЛАДУШКИН
ЕРШОВ
ГАЛКИН

партийцы-
культуротники

ГАНЯ
ТЕРЕНТЬИЧ
АНТОНОВНА

рабочая семья

Комната до потолка завалена газетами и протоколами. Ладущкин, бормоча себе под нос «Индия, Индия», бежит из угла в угол.

ЛАДУШКИН (останавливаясь). Фу ты, черт возьми! Совсем оторвался от международного положения! За эти два месяца, проведенные вот с этой душой (показывает на портрет Гани), я на полвека отстал от жизни!

Вбегает Галкин.

ГАЛКИН (запылавшись). Витя, дружище, милый, выручай. Понимаешь...

ЛАДУШКИН. Опять, черт возьми, Витя! Да что я вам, лошади! Гитара! Промкоговоритель! Доклад — я. Газета — я! Да что вы, черт возьми, навалились на меня!

ГАЛКИН. Ну, так на кого же, Витя, навалились-то, как не на тебя? Ведь ты два месяца, можно сказать, баклуши околачивал. В ячейку носу не показывал.

ЛАДУШКИН. Что значит баклуши околачивал? Жениться надо когда-нибудь! Надо! А для того, чтобы жениться, надо кому-нибудь понравиться! А для того, чтобы кому-нибудь понравиться — надо на это время...

ГАЛКИН. Можно было и поскорей понравиться.

ЛАДУШКИН. Покорей! Покорей знаешь, кому только можно понравиться!.. Сказал бы я тебе...

ГАЛКИН. После скажешь. А сейчас собирай монетки и сматывайся в клуб. Будешь делать доклад...

ЛАДУШКИН. Никакого доклада я делать не буду.

ГАЛКИН. Это почему? А ты знаешь, за срыв что бывает?

ЛАДУШКИН. Знаю. На первый раз замечание, на второй — выговор и так далее...

ГАЛКИН. Ты, Витя, остроумие для жены побереги, а сейчас отвечай прямо на вопрос: будешь делать доклад, а если нет, так почему?

ЛАДУШКИН. Во-первых, я не подготовлен — это раз. Во-вторых, ты видишь этот ворох!.. (Показывает на газеты и протоколы.) Это все надо прочитать и проработать! В-третьих, мне надо заняться женой — совершенно безграмотная попалась. И в-четвертых, я завтра буду просить у вас отпуск — мне нужно встряхнуть мозги!

ГАЛКИН. Значит, доклад делать не будешь?

ЛАДУШКИН. Категорически. Галкин. Хорошо. До свидания. (Направляется к двери. В дверь поворачивается.) А насчет мозгов ты не беспокойся. Мозги мы тебе вытряхнем! (Уходит.)

ЛАДУШКИН (жует губы). Взгреют. Эх, черт возьми! Так бы зарылся живым! Так надоело все это! Так надоело!

Стучат.

Еще какого черта несет? Войдите!

Входит Терентийч, Антонюна и Ганя.

ТЕРЕНТЬИЧ (размахивая газетой). Я вот тут сегодня, Витя, насчет Пуанкаре этого самого прочитал...

ЛАДУШКИН. Ладно, папаша, о Пуанкаре после. А сейчас вооружайтесь бумагой, карандашами и приступим к делу. Я должен вас в краткий срок переобразовать! Располаживайтесь! ТЕРЕНТЬИЧ (суетится). Сейчас, сейчас, Витя, расположимся, ха-ха. (Антонюна.) Ну что, матка, садись, ха-ха. Послушаем нашего-то оратора. Благо свой. (Комкая бороду.) Эка благодать!

ЛАДУШКИН. О благодати после, папаша. А сейчас отвечай прямо и точно на вопрос. Если капиталисты объявят войну, кто должен победить: мы или они?

ТЕРЕНТЬИЧ (жует усы). Гм... Это трудно сказать. А если по правилу рассуждать, мы их должны покрыть. ЛАДУШКИН. Что значит «мы их должны покрыть»? Почему мы, а не они нас?

ТЕРЕНТЬИЧ. Потому... Если по правилу рассуждать...

ЛАДУШКИН. Вот говори с тобой! По правилу, по правилу! Задолбил, как дятел! (Антонюна.) Ну а ты как, мамаша?

АНТОНЮНА. А я, батюшко, то же самое думаю. Если рассуждать по правилу, так то же самое...

ЛАДУШКИН. Что то же самое? АНТОНЮНА. А как отец сказал: должны покрыть.

ЛАДУШКИН. Ну, вы черт знает что бороните! Вы совершенно не умеете политически рассуждать! «Покрыть! Покрыть!» Что значит «покрыть»? Слушайте и зарубите себе на лбах. Конечно, победить должны мы...

ТЕРЕНТЬИЧ (перебивая). Так а ты то же самое...

ЛАДУШКИН. Не перебивай! Мы имеем все данные на эту победу. История за нас...

ТЕРЕНТЬИЧ (перебивая). Так а ты то же самое и говори!

ЛАДУШКИН. Что ты говорил то же самое? Ничего ты подобного не говорил...

ТЕРЕНТЬИЧ. Извиняюсь, история за нас. По правилу, мы должны покрыть. АНТОНЮНА. И я то же самое...

ЛАДУШКИН (в иступлении). Вы, папаша и мамаша, в глазах лжете! Насчет истории вы совершенно ничего не говорите!

ТЕРЕНТЬИЧ (тушуясь). Насчет истории, может быть, мы... этого... и не говорили... А что по правилу мы их должны покрыть, у меня записано даже. Если не верите, посмотрите. (Показывает записку Ладущкина.)

Так точно и записано. Если по правилу рассуждать — мы их должны покрыть.

ЛАДУШКИН. Ну, черт с ним! Пусть будет по-вашему — покрыть так покрыть! Покончим с этим. Теперь перекожу к вопросу такого порядка: какую роль играют социал-демократы за рубежом? Отвечайте, папаша.

ТЕРЕНТЬИЧ. Гм... по-моему, приблизительно...

ЛАДУШКИН (перебивая). Оставь ты, папаша, к чертовой матери свое «приблизительно»! Отвечай прямо и четко на вопрос. Ты ведь рабочий, а не баба какая-нибудь рязанская!

ТЕРЕНТЬИЧ. Я и хотел сказать четко, что они приблизительно треплются.

ЛАДУШКИН. Нельзя ли, папаша, без хамства? Если вопрос неясен, я поясню.

Написанные вослед друг другу в 1930-31 годах, словно бы по рубцам и шрамам, оставленным «великим переломом», они сразу же были погребены в утробе Леноблреперткома.

В обеих пьесах драматург воссоздает абсурдный, трагикомический мир, в котором насилием ломаются тысячелетиями устоявшийся быт, нормы поведения людей ради одной-разъединной мысли о мгновенной перековке-переналадке всех и каждого.

Пьес испугались: они портили картину триумфального шествия советской власти. Потом были запрещен и «Слон». Так началась дуэль драматурга: естественности таланта, природной его силы, боли за свой народ и власти, новой, советской — безболии, фальши, корысти, страха. Складывается убеждение, что та стародавняя дуэль и по сию пору не закончена... Коль скоро взвалили мы на себя роль манкуртов, то, выходит, прячемся за спины противников Копкова, автоматически становимся сторонниками безболии, фальши, корысти, страха...

Пьесы Копкова загадочны и современны. В их пространстве — стихия народной русской жизни в каждом нерве своем, со всеми кажущимися и некажущимися нелепостями, поведкой и достоинством; стихия даже русского языка возникает как своеобразная, устойчивая гармония, разрушить которую бесильны любые наскаки новых «творцов» нового бытия. Это ли не парадокс, способный подействовать на сегодняшний театр, как кислота на ржавую монету?!

ТЕРЕНТЬИЧ. Как же неясен? Ясен. ЛАДУШКИН. А если ясен, ты должен отвечать более или менее политично.

ТЕРЕНТЬИЧ. Так а я и говорю более или менее политично, что все эти социал-демократы приблизительно играют роль бледных буржуазий и продают рабочий класс.

ЛАДУШКИН. Ну, наконец, я тебе скажу, папаша, что ты совершенно безграмотный!

ТЕРЕНТЬИЧ (обиженно). Может и безграмотный. А что это достоверно — верно. Это и у Ленина так сказано, так и подписано это слово.

ЛАДУШКИН. Оставь ты в покое Ленина! Ленин никогда не говорил таких глупостей. Ну а ты как, мамаша, на это реагируешь?

АНТОНЮНА. Как это понимать, батюшко?

ЛАДУШКИН. Ну, как смотришь на это?

АНТОНЮНА. А так же, как и отец. Мы уж с ним тридцать лет одинаково смотрим.

ЛАДУШКИН. Вот, поговори с ними! Ну а ты как, Ганя?

ГАНЯ. А я, разумеется...

ЛАДУШКИН (перебивая). Да оставь ты к чертовой матери свое «разумеется»! Четко! Четко! Четко!

ГАНЯ (скороговоркой). Прикрываюсь рабочей буржуазией... То есть...

ЛАДУШКИН. Оставь, японскую! Прикрываюсь политикой рабочей партии...

ТЕРЕНТЬИЧ (восторженно). Так а ты же самое говорил. Прикрываюсь под ширмой рабочей партии, бледую к буржуазии...

ЛАДУШКИН (капризно). Ты, папаша, совершенно не то говорил. Ты...

ТЕРЕНТЬИЧ (вскликая с места). А пошел ты тогда к ядерной матери! Прохвост! Сукин ты сын после этого. Вот тебе так! (Антонюна.) Пойдем, матка, ему самому, бродяге, учиться надо.

АНТОНЮНА (Ладущкину). Да, батюшко, ты еще молод. Отец-то умения и до революции большевиком был, и в революцию, и сам за пьянство не выпали, и сейчас был бы. (Мужу.) Говорила не пей! (Уходит.)

Ладущкин, ошеломленный, стоит, опустив голову. Пауза.

ЛАДУШКИН. Старик прав. Действительно, я ни черта сам не знаю! (Гане.) И все из-за тебя! За эти два месяца трепотни я потерял столько золотого времени! Ты видишь этот ворох газет, протоколов — это ужас! Могила это! Смерть! Я на полвека отстал от жизни!

ГАНЯ. Сам виноват, говорил бы сразу, я бы пошла.

ЛАДУШКИН. Если бы ты была не самка, ты бы пошла. А ты самка. Для того, чтобы тебе, дура, понравиться и жениться на тебе, я был вынужден говорить тебе разную ересь об любви, водить тебя по театрам, по кинам. И результаты — какие результаты! — неграмотная жена с дуру. Выговор ачейки. Отрыв от производства, а долгов, долгов... в три пятилетки не расквитаться!

ГАНЯ. А вот должать-то тебе никто, кажется, не велел. Раз денег нет, так нечего было из себя министра корчить. А то пишешь: «Если можете доставить мне удовольствие, жду у Екатеринки, поедем в Мариинку. Твоя Ладущкин.» Идиот! Зачем ты меня водил, раз денег нет?

ЛАДУШКИН. А какой ты черт ходила? Ты ведь знала, что я не министр. И получаю сто пятьдесят рублей — тоже знала. Ты бы и сообразила своей перламутровой головой. Если по пять рублей, мол, он расходует, — и то все жалование его к чертовой матери полетит! А я расходовал на по пять, за один вход платил десять рублей, а кроме того водил тебя, дуру, в буфет, катал на трамваях, два раза на извозчике даже! Ты не задавалась таким вопросом, откуда берет он такие деньги? Ворует? Растрочи-

вает? Нет, ты не задавалась. Эх, если посчитать, во сколько вскопчила ты мне за эти два месяца, волоса дыбом поднимется! Я чуть ли не всему Ленинграду задолжал! На эти деньги черт знает что можно купить! Завод бы можно выстроить за эти деньги... А тут... (Машет рукой на Ганю.)

ГАНЯ (улыбаясь). Ну и дурак! И такого дурака я любила и сейчас люблю... Удивляюсь, за что?

ЛАДУШКИН (в истерике). Эх, как бы я желал вырваться из этой тупости! Из могилы этой! Страхнуть бы к чертовой матери все эти протоколы и газеты и врезаться в рабочие массы. Ворочать горы! Взрывать облака! О, как бы я желал!

Входит Ершов. Вид угрюмый.

ЕРШОВ (Ленину). Здравствуйте! (Садится.)

ЛАДУШКИН (улыбчиво). Здорово, Сережа. Ты что это как поседел?

ЕРШОВ. Поседеешь. ЛАДУШКИН. А я женился.

ЕРШОВ. Слыхал. ЛАДУШКИН. Познакомьтесь.

Ершов молча подает руку Гане.

Да что ты такой вялый?

ЕРШОВ. Что я вам, ломовой извозчик? Танка? Трактор? Навалились.

ЛАДУШКИН. В чем дело? (Удивленно.) Не понимаю.

ЕРШОВ. Не успели поселиться, опять выселяют. Уже кулака, того и то раз выселяют и баста, а тут... гонят, словно сидорову козу!

ЛАДУШКИН. А-е... понимаю, демобилизовали... Тебе это полезно.

ЕРШОВ (злбно). А тебе вредно? Я семейный... (Перебрасываясь.) Скажем, я... я... Так вот, и ты поедешь со мной! Довольно баклуши бить!

ЛАДУШКИН (удивленно). Кто, я?

ЕРШОВ. Да, ты! Подумаешь, птица! Я!

ЛАДУШКИН (радостно). Врешь! ЕРШОВ (удивленно). Ты чему радуешься?

ЛАДУШКИН. Черт возьми! Да как же не радоваться?

ЕРШОВ. А ты знаешь, куда поедем? ЛАДУШКИН. Да черт с ним — куда! Хотя... да куда хошь! Только бы выбраться из этой тупости! Какое совпадение! Какое совпадение! (Ершову.) Да ты чего голову-то повесил! Э-э, весна. Слыняты ты, Сережа.

ЕРШОВ. А тебя били. Брось ты, Сережа: колхозы, лесозаготовки. Вот я ни с чем не считаюсь. Факт перед глазами — жена молодая, медовый месяц, можно сказать. Плюю на все! У меня и Ганечка такого мнения. Не правда ли, Ганя!

ГАНЯ. О да, конечно, правда. ЕРШОВ. Ехать, конечно, надо. Но...

Ганя утирает платком глаза.

ЛАДУШКИН. Брось ты свое «но». Едем. Сережа. Точка. (Гане.) Ну, ты чего? Слезы — мать родная. Ганечка, ты знаешь, что такое прорыв?

ГАНЯ. Знаю, но я не о прорыве... Я...

ЛАДУШКИН. Ну, об чем же ты, дорогая? Любовь моя, об чем?

ГАНЯ. Я вот насчет этих, долгов-то...

ЛАДУШКИН. А-а! Вот ты что? Долги, душечка, сообщай придется платить. Как говорит пословица, любя кататься, любя и саночки возить.

ГАНЯ. А как же я, если я не работаю?

ЛАДУШКИН. Отец работает?

ГАНЯ. Ну работает, но...

ЛАДУШКИН. Ну и пусть платит. ГАНЯ. Да ты что, с ума сошел? Отец...

ЛАДУШКИН (отмахиваясь рукой). Вполне закономерно, ангел мой! Вполне закономерно!

Предисловие и публикация
Елены Стрельцовой